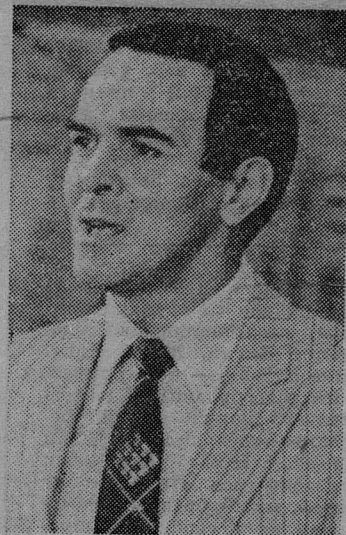

МУСЛИМ МАГОМАЕВ:

«Мои любимые мелодии»

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 АВГУСТА,
1 ПРОГРАММА, 19.30;
РО-4—19.30; РО-3—17.00;
РО-2—14.00; РО-1—12.15

Концерты под названием «Мои любимые мелодии» (их фрагменты вы и услышите) проходили не так давно в столичном зале «Россия». Эстрадно-симфоническим оркестром Гостелерадио СССР дирижировал его художественный руководитель А. Петухов.

Однажды певец сказал: «Одно дело внешняя сторона биографии — анкетные данные, тот послужной список, который подчас как бы размывает биографии многих артистов: родился, учился, дебютировал, случайно кого-то заболевшего подменив, первый успех и неудачи, конкурсы и награды... Другое дело — личность в искусстве. А это уже неповторимость характера артиста, его позиция. Личность же певца выводит ся просто: что поешь и как?..»

Вот забрезжила тихая песня, ее сменяет романс, вокальные задачи возрастают — оперная ария и сразу же напористый шлягер, который уступает место народной балладе... Вся программа — портрет певца. Каждый его выход на сцену — камешек пестрой мозаики. Стилевое преображение мгновенно, краски голоса завораживают то мужественным тоном, то мягким и глубоким дыханием субтона, то всплеском лирической волны.

Артист долго думал о драматургии концерта. Оттого-то оттенки чувств все время в динамике, их пластика вольна. Тут всего вдоволь: и раздумчивость, широкий размах красивой блантеровской песни «За высокими горами», и «Серенада Дон Кихота» Кабалевского, невольно сопоставляемая с другим замечательным ее исполнителем Г. Отсом, интонационно близким Магомаеву. И рыцарская статья «Возвращения романса» Фельцмана, и почти надрыв, откровенная чувственность его чисто эстрадной песенки «Так пришлось...»

Певец у рояля (начинал он, кстати сказать, учебу как пианист, и прочили ему на этом пути очень многое): лириче-

ское заклинание, тягучий плач — «Возвратись, любимая». Если тут и есть сентиментальная нота, то сдерживают ее и облагораживают магомаевские мужественность и достоинство. Это его авторская песня на стихи С. Алиевой. И бьющий темперамент «разговора без обиняков» в «Песне моей поверь» Бюль-Бюль оглы. И без перерыва — грустная и нежная, мерцающая дымкой предутреннего озера — «Элегия» (музыка М. Магомаева, стихи Н. Добронравова). Настроение продлевает новая пахмутовская песня «Солнце любви твоей», в которой легко угадывается интонация ее знаменитой «Мелодии». А вот и «Мелодия», которую в свое время впервые исполнил Магомаев. И вновь неизбывно ее очарование.

Еще авторская песня, давно ставшая популярной, — «Синяя вечность» («О, море, море!..»), где голос певца достигает вокальных высот — и силы и красоты.

Другие краски, другая манера, отточенно академическая и в то же время такая же взволнованная, трепетная, захватывающая — распевно, соразмерно строгие «Сентиментальная серенада» Тозелли и «Рассвет» Леонавалло (на языке оригинала).

А дальше — вроде стремительного путешествия по времени, по странам и континентам: романсы-газели У Гаджибекова, сверхпопулярная «История любви» Лея, фрагмент мюзикла Германа «Привет, Долли!», «Итальянец» Кутуньо. И восторженное «О, мое солнце!», и разбитная, мчащая аж и самому черту «Вдоль по Питерской», и — через паузу придыхания, краткого раздумья — «Благодарю тебя» Бабаджаняна, романс, слетевший из сердца народного артиста СССР Муслима Магомаева в зал и вправду благодарением слушателя за то, что диалог получился, что взаимопонимание произошло.

Запись по трансляции из концертного зала «Россия».

В. ГУСАРОВ

Фото Ю. Щенникова

Муслим Магомаев, 1984, 50 в.